

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-5

УДК 316.34

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Муха В.Н., Тужба Э.Н.

В статье исследуются особенности трансформации социальной идентичности в условиях современной социокультурной глобализации. Цель работы – анализ основных факторов актуализации социальной идентичности в условиях современных социокультурных трансформаций. В работе представлены точки зрения политологов и социологов на данную проблему. Определено, что идентичность в эпоху глобализации отличается подвижностью, гибкостью, множественностью, незаконченностью, контекстуальностью и является объектом информационного противоборства. Делается вывод, что преодолению кризиса идентичности способствует формирование глобальной идентичности, осознание многообразия культур и идентичностей служит преодолению барьеров во имя диалога между цивилизациями. Выводы работы могут быть использованы для исследования проблемы формирования социальной идентичности в условиях современности.

Ключевые слова: глобализация культуры, социальная идентичность, идентификация, массовая культура, унификация культуры, глобальный этос, глобальная идентичность.

GLOBALIZATION AND SOCIAL IDENTITY: SOCIOCULTURAL ANALYSIS

Mukha V.N., Tuzhba E.N.

The article looks at the transformation of social identity in modern sociocultural globalization. The goal is to analyze main factors influencing social identity in ongoing present-day sociocultural transformations. The paper presents opinions of political scientists and sociologists. It has been detected that in globalization epoch identity is mobile, flexible, multiple, infinite, contextual and is subject to informational confrontation. There has been made a conclusion that forming global identity is necessary for overcoming identity crisis. Realizing how varied cultures and identities are could help to overcome barriers in the cultural dialogue between civilizations. The conclusions made in the paper could be used in research of modern social identity.

Keywords: cultural globalization, social identity, identification, mass culture, cultural unification, global ethnos, global identity.

Возникновение и сущность феномена глобализации большинство исследователей связывают с появлением и развитием интеграционных и интернациональных связей внутри человечества. Несмотря на политические, экономические, культурные различия, человечество пришло к состоянию, которое теперь называют «глобальной общностью». То, что человечество представляет собой единую, динамично развивающуюся систему не отрицают даже те, кто недооценивает объективные тенденции глобализации, ее интегративную роль в международной жизни.

Несмотря на определенную разницу в подходах практически все авторы, отмечают культурные изменения и связанные с ними трансформации. Поэтому, глобализация будет рассматриваться нами, прежде всего, как процесс

вовлечения различных обществ и локальных культур в единое коммуникационное пространство. Беспрецедентное развитие средств коммуникации создало лавинообразный семиотический круговорот ценностей, смыслов, значений, или глобальную массовую культуру, с ее высокой семиотической нагруженностью, которую Ж. Бодрийяр назвал главной характеристикой современной культуры. Информационное пространство, стало для современного человека экраном жизненного мира. В повседневном опыте человек сталкивается с проявлениями глобализации как конкретным семантическим контекстом, влияющим на усвоение культурных значений в идентичности личности. Культурно-коммуникативная глобализация делает возможной глобализацию в других сферах и представляет собой системообразующий фактор современных глобализационных процессов. Прежде политики, финансов и технологий между странами и культурами должны существовать каналы коммуникации в противном случае контакты и обмены становятся невозможными. Необходим минимум культурной общности: языка, набора ценностей и символов, основные значения которых разделялись бы участниками коммуникации. Именно поэтому воздействие культуры на глобализацию и глобализации на культуру, а также соотношение глобального и локального, становится предметом внимания многих ученых. Для прояснения культурной сущности процесса глобализации, необходимо рассмотреть каковы основные социальные рамки этой глобальной культуры, и в какой степени различные социальные группы включаются в универсум глобальной межкультурной коммуникации.

Ответы на эти вопросы можно найти в интересной иллюстрации адаптации местных практик (Китай, Тайвань, Япония, Германия, Турция и др.), к процессам глобализации [1]. По результатам исследования, П. Бергер отмечает, что процесс культурной глобализации определяется реакциями локальных культур на зарождающуюся глобальную культуру, американскую по своему происхождению и содержанию. Эти реакции могут различаться от

принятия до отвержения (заметим, что в исследовании примеров полного отвержения выявлено не было), но в целом, следует вывод, что глобальная культура уверенно расширяет свои масштабы.

Последствия глобализации активизировали ряд социальных противоречий, среди которых особо выделяется проблема идентичности, которая подвержена трансформации в результате различных воздействий.

Основанной на выраженной территориальной эксклюзии идентичности («идентичность как остров»), противостоит идентичность динамичного, мобильного, открытого общества («идентичность на перепутье»), которая связывает уникальность идентичности с растущей модификацией природного и культурного наследия в пространстве глобализирующегося мира. В результате можно наблюдать движение от одного образа жизни к другому, от одной идентичности к другой. Такой характер жизни получил название «новый нomaдизм» [2]. Понятие идентичности указывает на способ включения индивида в социальную структуру путем соотнесения последнего с группами, категориями, институтами, ролями. Образование идентичности происходит через интроецирование индивидом значимых объектов социального мира. Социальная идентичность, представляет собой совокупность интериоризированных значений социальных позиций, которая проявляется на поведенческом, когнитивном и эмоциональном уровне [3]. Идентичность как социальное и социально-психологическое явление органично взаимосвязано с процессом идентификации. Именно идентификация является процессом определения индивидом самого себя, процессом построения идентичности. Основы идентификации могут быть различными: каждый Я-образ предполагает идентификацию по какому-либо одному основополагающему признаку [4]. В социологическом аспекте проблематика идентификации вводилась первоначально в теории социализации и в статусно-ролевых концепциях личности... Тем самым, идентичность уравнивалась с удачно «играемой» ролью. А переидентификация трактовалась как смена ролей, или обмен ролями,

как разными формами идентичности из определенного «набранного» набора, который вызывает ролевой конфликт и понимается как кризис идентичности [5]. Проблема идентификации и идентичности всегда связана проблемой возможности существования единого, последовательного Я-человека, сочетающего различные Я-образы [6, с.11].

Идентичность представляет собой социальный конструкт, который формируется, поддерживается и трансформируется в зависимости от социокультурных условий. Структура идентичности динамична и меняется в зависимости от того, как возрастает или, наоборот, снижается вес тех или иных составляющих ее уровней и базовых элементов. Идентичность в эпоху глобализации отличается подвижностью, гибкостью, множественностью, незаконченностью, контекстуальностью и является объектом информационного противоборства [7].

Как отмечает С. Хантингтон, в процессе, от ситуации к ситуации, значимость множественных идентичностей меняется, они могут дополнять друг друга или конфликтовать одна с другой. В зависимости от конкретно-исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований или же возникнуть их комбинация. Например, в цивилизованной Европе, несмотря на то, что европейское понятие нации отстраняется от всех этнических различий людей, вдруг проявилась собственно этническая идентичность людей, ставящая под вопрос их прежнюю лояльность как граждан единой нации. Шотландцы в Великобритании, баски в Испании, валлонцы в Бельгии осознали, что они не просто граждане своих государств, но особые этносы, с особой историей, традицией, менталитетом. Возникает расхождение между ощущением своей этнической и гражданской идентичности.

Поставив вопрос «Кто мы такие?» в отношении американской идентичности, С. Хантингтон пишет, что принципы американской жизни, утвержденные основателями страны, разрушают этнические меньшинства,

которые не воспринимают себя в качестве американцев и начинают определять свою идентичность по языку, крови и т.д. [8]. Причину подобного он, видит в том, что в США перестал работать плавильный котел, делающий всех мигрантов проживающих в США независимо от их расы, национальной принадлежности, вероисповедания, гражданами Америки.

Сколько бы ни прожил индус на Западе, он по внутренней сути своей, направленности мыслей, чувств, переживаний остается восточным человеком. Тот же, для кого родной стихией является западный мир, не способен ассимилировать глубинные пласты восточной культуры. Например, информационное воздействие на арабские страны со стороны США «натывает» на серьезное неприятие, что связано, среди прочего, с попыткой достичь определенного информационного доминирования в определенном сегменте, что является чисто военной технологией. Однако арабский мир скорее сориентирован на построение отношений, а не передачу информации [9]. Это рациональность, но другого типа, при которой акцентируется другая сторона коммуникации. Америка концентрируется на процессе передачи, арабская культура на контакте. Отсутствие контакта отражается на том, что сообщение не поступает вообще, каким бы идеальным оно ни было. Перед нами возникают две несовпадающие модели виртуальности, что отражается в разных приоритетах на информационном уровне.

Распространение на все человечество процессов, которые раньше протекали в локально организованных формах социальности – важная характеристика глобализационных тенденций. Многие народы, чувствуя угрозу утраты культурной идентичности, демонстрируют неприятие глобальных культурных изменений, а этническая и религиозная идентичности начинают главенствовать в системе их ценностных приоритетов. Причем, религиозно-конфессиональная идентичность объемней этнической и поэтому ее следовало бы считать пределом социально-групповой идентичности, однако, она уступает последней по силе мотивирующего воздействия на поведение. Осознание

принадлежности к определенному этносу, народу является едва ли не наиболее константной характеристикой самосознания человека.

Почему же невозможно помыслить себе перспективу, когда многообразие этно-национальных идентичностей будет преодолено универсальной всечеловеческой идентичностью? Сотрутся различия между культурами, английский выступит в качестве языка межнационального общения, универсальные ценности, признаваемые всеми религиями мира, могут также составить основу глобального диалога. Ведь в прошлом большое количество языков были заменены общими национальными языками, что способствовало всеобщему образованию, вывело современную культуру на иной уровень развития.

Такой утопический сценарий прямой трансформации к универсальной цивилизации вряд ли осуществим, поскольку все культуры имеют различные ценности. Как отмечает Ф.Х. Кессиди, этнические чувства и стремления к сохранению этнической самобытности глубоко укоренены в сознании каждого человека. К тому же менталитет этносов, а стало быть, и их культура в значительной степени определяется функциональной асимметрией мозга. Словом, при всем единстве человеческого рода, общекультурных ценностей и ориентации имеются, тем не менее, фундаментальные предпосылки для сохранения своеобразия, идентичности этнических культур [10].

Отказ от движения к унификации в сфере культуры и духовной жизни, возможности слияния в этих подсистемах представляет собой оправданную реакцию, страх, перед доминированием западных жизненных образцов, что уже сегодня проявляется в сфере различного потребления. Признавая, что уничтожение культурного многообразия не является непосредственно целью глобализации, нельзя не признать, что оно является ее прямым следствием. Проблема состоит в том, что элементы отличной культуры внедряются быстро и в большом объеме, чем человек способен их принять. Изобретение новых потребностей, а также настойчивое убеждение потребителя в том, что они ему

крайне необходимы, вызывает отторжение и порождает ощущение насилия. Усвоение ценностей возможно лишь тогда, когда эти ценности вызревают в рамках собственного опыта внутренней потребности в них. Тем более, что многие ценности и нормы так называемых цивилизованных западных стран не универсальны даже на ближайшую историческую перспективу. Необходимы не просто точки соприкосновения между ними, но именно общность основоположений, которые только и могут создать адекватное пространство такого диалога. Поэтому, необходимо различать два уровня идентичности социально-групповую и глобальную [11, с. 32].

Социально-групповая идентичность предполагает самоопределение человека в социальном пространстве, то культурное пространство, с которым он себя идентифицирует. Высшим уровнем такой социокультурной идентичности выступает этно-национальная идентичность, которую человек получает при рождении. Она всегда связана с определенным кругом людей, пространством. Глобальная идентичность универсальна и связана с обособлением индивида в качестве личности, индивидуальности. В этом случае свободы в самоопределении индивида больше, чем в случае социально-групповой идентичности.

Проблема состоит не в различиях между двумя уровнями идентичности, в которых существует современный человек, а в характере связи между ними. Человек не может мыслить и действовать вне социально-групповой идентичности. Соответственно, глобальный универсализм не существует как некая самостоятельная реальность, отдельно от социально-групповой идентичности. Будущее глобализации, выражающееся в действительном объединении человечества связано с потенциалом глобального этоса, появляющегося на базе универсально-культурного синтеза.

Различные сферы общественной жизни – экономика, наука, политика, образование – приобретают характер социальных систем. Будучи автономными от убеждений индивида, социальные системы задают нормы поведения тем

индивидам, которые включены в эти системы. Например, те компании, которые создают продукт согласно своему функциональному назначению, ведут себя схоже вне зависимости от страны производства, так как само их поведение, определяемое функциональной задачей производства, оказывается качественно однородным, стандартизированным и универсальным. Можно говорить о тенденции к унификации образа жизни, стилей поведения, взглядов, вкусов и т.д. В опыте их взаимодействия происходит естественное усвоение неких культурно-специфических стандартов в качестве всеобщих.

Революционные перемены в сфере информационных технологий также способствуют трансформации всей системы социальных связей индивида. Интернет способствует конструированию и реконструированию идентичности, формируя социальные возможности виртуальной идентификации. Соответственно, глобальный этос существует не вместо национальных форм бытия, а параллельно им. Речь идет в данном случае о таком единстве, при котором состояние подобных общественных отношений не исключает ни индивидуальных, ни групповых различий, а культурная специфика сохраняется при всех взаимодействиях. Осознание многообразия культур, идентичностей не как угрозы, а как реальности мира должно послужить «преодолению барьеров» во имя диалога между цивилизациями.

При сохранении нынешнего вектора развития, человечество, рано или поздно, станет однородным, но чем позже наступит этот момент, тем лучше.

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы», номер соглашения 14.В37.21.0982 и гранта РГНФ, проект №12-23-01000 а(м.)

Список литературы

1. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире// Под ред. П.Бергера, С.Хантингтона: Пер. с англ. В.В.Сапова. М.: Аспект пресс, 2004.
2. Пахомов О.С. «Новые кочевники» японского общества // Этнографическое обозрение. 2007. № 2.
3. Кузнецов А.Г. Трансформация государственно-национальной идентичности в условиях глобализации: автореф. к.с.н. Волгоград. 2007.
4. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Интернет ресурс://<http://identity.ucoz.ru/load>
5. Румянцева Т.Г. Идентичность//История философии. М., 1989.
6. Ахиезер А.С. Проблема субъекта: человек – субъект // Вопросы философии. № 12. 2007.
7. Батырев Д.Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире (социально-философский анализ): автореф. к.ф.н. Ростов-на-Дону. 2009.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. // Пер. с англ. А.Башкирова. АСТ. М., 2004.
9. Zaharna R.S. Amerikan public diplomacy in the Arab and Muslim worlds // www.frif.org
10. Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. №1.
11. Гусейнов А.А. Идеи универсализма и самобытности // Наука и религия. Научные труды / Под ред. И.Т. Карсавина. М. : «Канон+», 2006.

References

1. Berger P., Khantington S. (ed.) *Mnogolikaya globalizatsiya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [The Many Faces of Globalization. Cultural Diversity in Modern World]. M.: Aspekt press, 2004.

2. Pakhomov O.S. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2007. № 2.
3. Kuznetsov A.G. *Transformatsiya gosudarstvenno-natsional'noy identichnosti v usloviyakh globalizatsii* [Transformation of State National Identity in the Age of Globalization]. Volgograd, 2007.
4. Trufanova E.O. *Chelovek v labirinte identichnostey* [The Person in the Maze of Identities]. <http://identity.ucoz.ru/load>
5. Rumyantseva T.G. *Istoriya filosofii* [The History of Philosophy]. M., 1989.
6. Akhiezer A.S. *Voprosy filosofii*. № 12. 2007.
7. Batyrev D.N. *Problema natsional'noy identichnosti v globaliziruyushchemsya mire (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [The Problem of National Identity in a Globalized World (Socio-Philosophical Analysis)]. Rostov-na-Donu. 2009.
8. Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. AST. M., 2004.
9. Zaxarna R.S. *Amerikan public diplomacy in the Arab and Muslim worlds*. www.frif.org
10. Kessidi F.Kh. *Voprosy filosofii*. 2003. №1.
11. Guseynov A.A. *Nauka i religiya. Nauchnye trudy* [Science and Religion. Scholarly Works]. M. : «Kanon+», 2006.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Муха Виктория Николаевна, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, кандидат социологических наук, доцент

Кубанский государственный технологический университет

ул. Московская, д. 2, г. Краснодар, Краснодарский край, 350072, Россия

e-mail: v.mukha@bk.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 2682-7982

Тужба Эмир Нодариевич, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, доктор социологических наук, доцент

Кубанский государственный технологический университет

ул. Московская, д. 2, г. Краснодар, Краснодарский край, 350072, Россия

e-mail: emirtu@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mukha Viktoria Nikolaevna, Associate Professor, Department of sociology,
jurisprudence and personnel management, PhD in Sociology

Kuban State University of Technology

2, Moskovskaya Str., Krasnodar, Krasnodar region, 350072, Russia

e-mail: v.mukha@bk.ru

Tuzhba Emir Nodarievich, Associate Professor, Department of sociology,
jurisprudence and personnel management, Doctor in Sociology

Kuban State University of Technology

2, Moskovskaya Str., Krasnodar, Krasnodar region, 350072, Russia

e-mail: emirtu@rambler.ru